

Свобода и вменяемость

Мир за керсено, — 1999, — 18-25 сент. — с. 8

Никита АЛЕКСЕЕВ
Иностранец. Подписной индекс 32023

Дмитрий Александрович Пригов — один из крупнейших русских поэтов этого века. Многим не нравятся его сочинения, но нашу литературу без Пригова представить совершенно невозможно. Его сочинения шокируют и завораживают. Они нас заставляют недоумевать: «истина где-то в другом месте и времени», они вдруг вспышкой освещают наш мир. «Иностранец» побеседовал с Д. А. Приговым об ужасном и непонятном, о том, с чем мы столкнулись в последнее время.

МНЕ НЕ СТРАШНО

— Дмитрий Александрович, говорить с поэтом о терроризме несколько странно. Но сейчас говорить о чем-то другом трудно. Такая у нас жизнь пошла. Какова ваша реакция на произошедшее как «поэта и человека»?

— Человеческой реакции у меня никакой не было, потому что я уже давно не человек. Столько лет занимаясь такого рода поэзией, чувствуешь, насколько изжита жизнь. Когда я смотрю на себя, на своих приятелей и соратников по этому занятию, то вижу — мы уже, в общем-то, люди не живые. Поэтому никакой живой моментальной реакции вроде страха у меня не было.

Я думаю, этот мистический страх — следствие того, что наше общество совершенно не подготовлено к такому роду терроризма, к терроризму негосударственного. Мы, во всяком случае мое поколение, выросли в ситуации, когда тотальным террористом было государство. От него можно было ждать чего угодно. У государства всегда присутствует террористическая функция, но в тоталитарном государстве функция терроризма им полностью присваивается. И, возможно, такое заявление цинично, но негосударственный терроризм — это одно из проявлений либерального, демократического общества. Отнюдь не все проявления свободы благодетны, они имеют темные стороны.

— Вас как-то называли «поэтом-террористом». Вы планомерно и профессионально взрываете законы русского стихосложения. Вы постоянно захватываете все новые и новые территории: участвуете в музыкальных концертах, мелькаете на телевидении, играете в кино. То есть делаете то, что «настоящему поэту» делать как бы не положено. Где границы допустимого терроризма в культуре?

— Это кардинальный вопрос культуры как таковой. На мой взгляд, художник, музыкант или поэт неизбежно включается в сис-

тему развлечений. Он убаживает публику. Помогает ей как-то провести свободное время. И пытается описать изменяющееся время при помощи изменяющихся терминов и изменяющихся образов. Его деятельность в принципе совпадает с деятельностью нового типа наших политиков.

Но есть главное различие — чувство абсолютной свободы. Ни в политике, ни в науке, ни в спорте это невозможно. Только в искусстве. Причем эта свобода должна быть точно определена именно в границах искусства, пусть и постоянно меняющихся. Кстати говоря, ничего в этом нового нет. Этим занимался еще Достоевский, вспомним хотя бы Раскольникова. Эта свобода не может быть перенесена прямым способом в область политики, в социум. Прямые заявления литературного героя не могут стать руководством к действию для политика. Границы между искусством и политикой, естественно, очень тонки, и единственный критерий — это заявление самого художника.

ФРИЦ ШАМИЛЬ

— Вы упомянули Достоевского. Он гениально описал психологию террористов в «Бесах». Вообще бесы — один их важнейших и сильнейших архетипов русской литературы. И не только литературы. Я не помню, не то Путин, не то Рушайло на вопрос журналистов, что конкретно он собирается делать в сложившихся обстоятельствах, начал разглазговать о бесах-террористах, об их сатанинских душах и, уходя от ответа на поставленный вопрос, перешел в область магии. Происходит демонизация «другого», причем идет она в основном по национальному признаку.

— Это архаическая, неизживаемая особенность человеческой души. «Свое — чужое». «Свое», как кажется, очень хорошо разработано, темперировано, оно гармонично и разнообразно. «Чужое» — это область тьмы, невнятицы. И неважно, как называют это «чужое». Что значит «чеченцы»? Можно вдруг перепутать, попасть в исторический провал памяти и назвать их «немцами». Назвать Шамиля Басаева «фрицем». Поэтому в сфере «своего — чужого» на этих самых «чеченцев» переходят все вообще черты демонического. Есть еще одна сторона проблемы. История России была направлена на то, чтобы смыть все возможности идентификации личности, кроме одной — влюбленно-государственной. А у человека может быть множество уровней и способов идентификации — семейный, групповой, религиозный, спортивный, территориальный, профессиональный и так далее. Если ему удастся выстроить

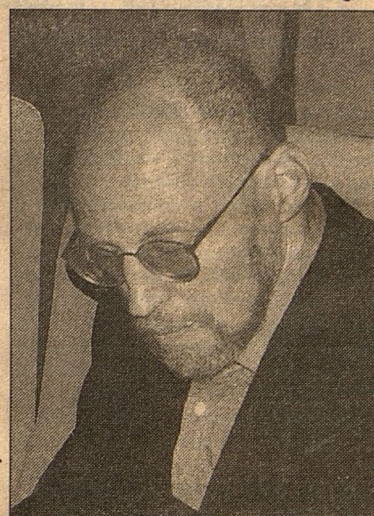

Фото ИТАР-ТАСС

такую сложную систему идентификаций, он уже не будет выстраивать простой образ врага.

СМЕРТЬ МИЛИЦИОНЕРА

— Один из главных персонажей вашей ранней поэзии — это «Милиционер». Демиург, стержень, вокруг которого вращается все мироздание. «Милиционер» остается для вас все тем же символом гармонии мира? Или он — уже отыгранная карта?

— Отыгранная. В те времена он для меня был ироническим символом тотальной государственности, культурным героем, принесшим с небес высший порядок. Люди были слабы, они не могли принять законы небесного государства, но Милиционер был снисходителен к нам. В наше время идея тотальной небесной государственности рухнула, и Милиционер оказывается обязанным идентифицировать себя профессионально. То есть стать просто земным милиционером. Он был богом, и он умер — ведь для небесного Милиционера стать ментом — это смерть. Смерть Бога. И у меня на него нет надежды, поскольку он не приурочен к тому, чтобы, умерши, воскреснуть в ином качестве.

Далее, и это очень важно, — мы, разрушив небесное государство, продолжаем жить не по закону, а по «человечеству», по «понятиям». Ну схватит милиционер кого-то, а ему скажут — что ты его тащишь, он же человек хороший. Милиционер хорошего человека и отпустит. У нас, надо сказать, очень гуманное, человеческое общество. В отличие от Запада. Там судят людей по закону. А у нас как? По «человечеству». Ну сделал человек что-то плохое, так он же хороший для кого-то человек, заслуженный, как его наказывать? А если ты никто, так тебе никакой закон не поможет.

— Ну и будем мы когда-нибудь жить по закону? Или у нас так теперь все время взрывать и будут?

— Терроризм, к несчастью, будет всегда. Но какой терроризм, почему? У него есть разные причины. Одна — идеологическая, национально-освободительная. Другая — вроде как не связанная с плохим материальным положением или отсутствием свободы, как в Европе 60—70-х годов. В террористы тогда шли вполне зажиточные и избалованные люди. Такой терроризм будет всегда, он неистребим. Российский терроризм, к несчастью, совершенно непредсказуем. Он — следствие распада империи. Россия неустойчива. Она будет и дальше распадаться. И этот процесс будет еще более болезненным, пока все будет происходить в Москве, пока будут порождаться фантомы централизованного единого государства. И каковы технологии, способные противостоять этому, — не знаю. Я не политик, но и политики, похоже, не знают.

— Вы пессимистичны.

— Вообще-то апокалиптические сценарии очень типичны для русского, катастрофического в своей основе сознания. Вся русская поэзия мрачна и апокалиптична.

— А как же «солнце нашей поэзии» Пушкин, ясный и уравновешенный?

— Пушкин — представитель совсем другой, аристократической России. Это мы сейчас все клянемся Пушкиным. На самом же деле в нашей литературе победило лермонтовское сознание. Да и в политике тоже. Поэтер Печорин-Явлинский, циник Жириновский-Грушницкий... А в литературе все, кто клялись Пушкиным, были Лермонтовыми. Был один оптимистический поэт, Маяковский, но и он страдал самонавязанным оптимизмом. Пока он был молодым, не самоизнасилованным поэтом, он занимался страшными апокалиптическими сценариями. Поэтому литераторы уходили от всяких ужасов в частную жизнь, подальше от государства, как Пастернак. А идея национального государственного спасения все время утыкалась в апокалипсис.

Вообще-то христианство и предлагает апокалиптический сюжет перед вечным спасением. Но без второй части он как-то бессмыслен. Дело в том, что в России редко говорилось о Преображении после Страшного суда. Это еще раз показывает на то, что Россия не была на самом деле крещена. Не была евангелизирована. Здесь не думали о том, ради чего все затеяно. Россия заворожена язычеством в христианстве — иконопочитанием, обрядами и главное — апокалипсисом. Это битва каких-то страшных чудищ с недоразвитыми богами. Это завораживающее зрелище, похоже, еще раз происходит на наших глазах. Снова игра в «наших» и «немцев».

18.9.99

Пригов Дмитрий Александрович